

Эвгенин Онегин

А.С. Пушкин

16 декабря 2024 г.

Роман в стихах

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть — рукой пристрастной
Прими собрание пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Глава 1

Capitolo 8

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.
Byron.

I

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятжно расцветал,
Читал охотно Апулея, А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир молодых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II

И свет¹ ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И в гроб сходя, благословил.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

¹Общество

III

И я, в закон себе вменяя
Страстей единый произвол²,
С толпою чувства разделяя,
Я музу резвую привел
На шум пиров и буйных³ споров,
Грозы полуночных дозоров;
И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И как вакханочка резвилась,
За чашей пела для гостей,
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась⁴,
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей.

IV

Но я отстал от их союза
И вдаль бежал... Она за мной.
Как часто ласковая муза
Мне услаждала путь немой⁵
Волшебством тайного рассказа!
Как часто по скалам Кавказа
Она Ленорой, при луне,
Со мной скакала на коне!
Как часто по берегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шепот Нереиды,⁶
Глубокий, вечный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров.

V

И позабыв столицы дальной
И блеск и шумные пиры,
В глуши Молдавии печальной
Она смиренные шатры⁷
Племен бродящих посещала,
И между ими одичала,
И позабыла речь богов
Для скудных, странных языков,
Для песен степи, ей любезной...
Вдруг изменилось все кругом,⁸

²оставить на произвол судьбы

³политические

⁴ухаживаться

⁵лишенный способности говорить

⁶нимфа, дочь бога моря Нерей

⁷большая полотка

⁸намек на ссылку в Михайловское

И вот она в саду моем
 Явилась барышней уездной⁹,
 С печальной думою в очах,
 С французской книжкою в руках.

VI

И ныне музу я впервые
 На светский¹⁰ раут привожу;
 На прелести ее степные
 С ревнивой робостью гляжу.
 Сквозь тесный ряд аристократов,
 Военных франтов, дипломатов
 И гордых дам она скользит;
 Вот села тихо и глядит,
 Любуясь шумной теснотою,
 Мельканьем платьев и речей,
 Явленьем медленным гостей
 Перед хозяйкой молодою
 И темной рамою мужчин
 Вкруг дам как около картин.

VII

Ей нравится порядок стройный
 Олигархических бесед,
 И холод гордости спокойной,
 И эта смесь чинов и лет.
 Но это кто в толпе избранной
 Стоит безмолвный и туманный?
 Для всех он кажется чужим.
 Мелькают лица перед ним
 Как ряд докучных¹¹ привидений.
 Что, сплин иль страждущая спесь
 В его лице? Зачем он здесь?
 Кто он таков? Ужель Евгений?
 Ужели он?.. Так, точно он.
 — Давно ли к нам он занесен¹²?

VIII

Все тот же ль он иль усмирился?
 Иль корчит также чудака?
 Скажите: чем он возвратился?
 Что нам представит он пока?
 Чем ныне явится? Мельмотом,
 Космополитом, патриотом,
 Гарольдом, квакером, ханжой,
 Иль маской щегольнет иной,
 Иль просто будет добрый малый,

⁹уезд, административно и территориальная единица в России

¹⁰дворянское общество Петербурга

¹¹наводящий скуку

¹²не доброжелательный вопрос

Как вы да я, как целый свет?
 По крайней мере мой совет:
 Отстать от моды обветшалою.
 Довольно он морочил свет. . .
 — Знаком он вам? — И да и нет.

IX

— Зачем же так неблагосклонно
 Вы отзываетесь о нем?
 За то ль, что мы неугомонно
 Хлопочем, судим обо всем,
 Что пылких душ неосторожность
 Самолюбивую ничтожность
 Иль оскорбляет, иль смешит,
 Что ум, любя простор, теснит,
 Что слишком часто разговоры
 Принять мы рады за дела,
 Что глупость ветрена и зла,
 Что важным людям важны вздоры
 И что посредственность¹³ одна
 Нам по плечу и не странна?

X

Блажен, кто смолоду был молод,
 Блажен, кто вовремя созрел,
 Кто постепенно жизни холод
 С летами вытерпеть умел;
 Кто странным снам не предавался,
 Кто черни светской не чуждался,
 Кто в двадцать лет был франт иль хват,
 А в тридцать выгодно женат;
 Кто в пятьдесят освободился
 От частных и других долгов,
 Кто славы, денег и чинов
 Спокойно в очередь добился,
 О ком твердили целый век:
 N. N. прекрасный человек¹⁴.

XI

Но грустно думать, что напрасно
 Была нам молодость дана,
 Что изменяли ей всечасно¹⁵,
 Что обманула нас она;
 Что наши лучшие желанья,
 Что наши свежие мечтанья
 Истлели быстрой чередой,
 Как листья осенью гнилой.

¹³mediocrità

¹⁴светский человек

¹⁵безостановочно

Несносно¹⁶ видеть пред собою
 Одних обедов длинный ряд,
 Глядеть на жизнь, как на обряд,
 И вслед за чинною толпою
 Идти, не разделяя с ней
 Ни общих мнений, ни страстей.

XII

Предметом став суждений шумных, Несносно (согласитесь в том)
 Между людей благоразумных Прослыть притворным чудак-
 ком, Или печальным сумасбродом, Иль сатаническим уродом,
 Иль даже демоном моим. Онегин (вновь займуся им), Убив
 на поединке друга, Дожив без цели, без трудов До двадцати
 шести годов, Томясь в бездействии досуга Без службы, без
 жены, без дел, Ничем заняться не умел. XIII Им овладело
 беспокойство, Охота к перемене мест (Весьма мучительное
 свойство, Немногих добровольный крест). Оставил он свое
 селенье, Лесов и нив уединенье, Где окровавленная тень Ему
 являлась каждый день, И начал странствия без цели, Доступ-
 ный чувству одному; И путешествия ему, Как все на свете,
 надоели; Он возвратился и попал, Как Чацкий, с корабля на
 бал. XIV Но вот толпа заколебалась, По зале шепот пробе-
 жал. . . К хозяйке дама приближалась, За нею важный гене-
 рал. Она была нетороплива, Не холодна, не говорлива, Без
 взора наглого для всех, Без притязаний на успех, Без этих
 маленьких ужимок, Без подражательных затей. . . Все тихо,
 просто было в ней, Она казалась верный снимок *Du comme il*
faut. . . (Шишков, прости: Не знаю, как перевести.) XV К ней
 дамы подвигались ближе; Старушки улыбались ей; Мужчи-
 ны кланялись ниже, Ловили взор ее очей; Девицы проходили
 тише Пред ней по зале, и всех выше И нос и плечи подымал
 Вошедший с нею генерал. Никто б не мог ее прекрасной На-
 звать; но с головы до ног Никто бы в ней найти не мог Того,
 что модой самовластной В высоком лондонском кругу Зовет-
 ся vulgar. (Не могу. . . XVI Люблю я очень это слово, Но не
 могу перевести; Оно у нас покамест ново, И вряд ли быть ему
 в чести. Оно б годилось в эпиграмме. . .) Но обращаюсь к на-
 шей даме. Беспечной прелестью мила, Она сидела у стола С
 блестящей Ниной Воронскою, Сей Клеопатрою Невы; И вер-
 но б согласились вы, Что Нина мраморной красою Затмить
 соседку не могла, Хоть ослепительна была. XVII

«Ужели, — думает Евгений: —
 Ужель она? Но точно. . . Нет. . .
 Как! из глуши степных селений. . .»
 И неотвязчивый лорнет
 Он обращает поминутно
 На ту, чей вид напомнил смутно
 Ему забытые черты.

¹⁶insupportable

«Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Кто там в малиновом берете
С послом испанским говорит?»
Князь на Онегина глядит.
— Ага! давно ж ты не был в свете.
Постой, тебя представлю я. —
«Да кто ж она?» — Жена моя. —

XVIII

«Так ты женат! не знал я ране!
Давно ли?» — Около двух лет. —
«На ком?» — На Лариной. — «Татьяне!»
— Ты ей знаком? — «Я им сосед».
— О, так пойдем же. — Князь подходит
К своей жене и ей подводит
Родно и друга своего.
Княгиня смотрит на него...
И что ей душу ни смутило,
Как сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не изменило:
В ней сохранился тот же тон,
Был так же тих ее поклон.

XIX

Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась
Иль стала вдруг бледна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губ она.
Хоть он глядел нельзя прилежней,
Но и следов Татьяны прежней
Не мог Онегин обрести.
С ней речь хотел он завести
И — и не мог. Она спросила,
Давно ль он здесь, откуда он
И не из их ли уж сторон?
Потом к супругу обратила
Усталый взгляд; скользнула вон...
И недвижим остался он.

XX

Ужель та самая Татьяна,
Которой он наедине,
В начале нашего романа,
В глухой, далекой стороне,
В благом пылу нравоученья,
Читал когда-то наставленья,
Та, от которой он хранит
Письмо, где сердце говорит,
Где все наруже, все на воле,
Та девочка... иль это сон?..

Та девочка, которой он
 Пренебрегал в смиренной доле,
 Ужели с ним сейчас была
 Так равнодушна, так смела?

XXI

Он оставляет раут тесный,
 Домой задумчив едет он;
 Мечтой то грустной, то прелестной
 Его встревожен поздний сон.
 Проснулся он; ему приносят
 Письмо: князь N покорно просит
 Его на вечер. «Боже! к ней!..
 О буду, буду!» и скорей
 Марает он ответ учтивый.
 Что с ним? в каком он странном сне!
 Что шевельнулось в глубине
 Души холодной и ленивой?
 Досада? суетность? иль вновь
 Забота юности — любовь?

XXII

Онегин вновь часы считает,
 Вновь не дождется дня конца.
 Но десять бьет; он выезжает,
 Он полетел, он у крыльца,
 Он с трепетом к княгине входит;
 Татьяну он одну находит,
 И вместе несколько минут
 Они сидят. Слова нейдут
 Из уст Онегина. Угрюмый,
 Неловкий, он едва-едва
 Ей отвечает. Голова
 Его полна упрямой думой.
 Упрямо смотрит он: она
 Сидит покойна и вольна.

XXIII

Приходит муж. Он прерывает
 Сей неприятный tete-a-tete;
 С Онегиным он вспоминает
 Проказы, шутки прежних лет.
 Они смеются. Входят гости.
 Вот крупной солью светской злости
 Стал оживляться разговор;
 Перед хозяйкой легкий вздор
 Сверкал без глупого жеманства,¹⁷
 И прерывал его меж тем
 Разумный толк без пошлых тем,

¹⁷ Отсутствие простоты и естественности; манерность

Без вечных истин, без педантства,
И не пугал ничьих ушей
Свободной живостью своей.

XXIV

Тут был, однако, цвет столицы,
И знать, и моды образцы,
Везде встречаемые лица,
Необходимые глупцы;
Тут были дамы пожилые
В чепцах и в розах, с виду злые;
Тут было несколько девиц,
Не улыбающихся лиц;
Тут был посланник, говоривший
О государственных делах;
Тут был в душистых сединах
Старик, по-старому шутивший:
Отменно тонко и умно,
Что нынче несколько смешно.

XXV

Тут был на эпиграммы падкий,
На все сердитый господин:
На чай хозяйский слишком сладкий,
На плоскость дам, на тон мужчин,
На толки про роман туманный,
На вензель¹⁸, двум сестрицам данный,
На ложь журналов, на войну,
На снег и на свою жену.

.....
.....
.....
.....
.....
.....

XXVI

Тут был Проласов, заслуживший
Известность низостью души,
Во всех альбомах притупивший,
St.-Priest, твои карандаши;
В дверях другой диктатор бальный
Стоял картинкою журнальной,
Румян, как вербный херувим,
Затянут, нем и недвижим,
И путешественник залетный,
Перекрахмаленный нахал,
В гостях улыбку возбуждал

¹⁸начальные буквы имени и фамилии, обычно переплетенные и образующие узор. Вышивается как украшение на платье, нательном или постельном белье, носовых платках и т. д.

Своей осанкою заботной,
И молча обмененный взор
Ему был общий приговор.

XXVII

Но мой Онегин вечер целый
Татьяной занят был одной,
Не этой девочкой несмелой,
Влюбленной, бедной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.

О люди! все похожи вы

На прародительницу Эву:
Что вам дано, то не влечет,
Вас непрестанно змий зовет
К себе, к таинственному древу;
Запретный плод вам подавай:
А без того вам рай не рай.

XXVIII Как изменилася Татьяна! Как твердо в роль свою вошла! Как утеснительного сана Приемы скоро приняла! Кто б смел искать девчонки нежной В сей величавой, в сей небрежной Законодательнице зал? И он ей сердце волновал! Об нем она во мраке ночи, Пока Морфей не прилетит, Бывало, девственно грустит, К луне подымлет томны очи, Мечтая с ним когда-нибудь Свершить смиренный жизни путь! XXIX Любви все возрасты покорны; Но юным, девственным сердцам Ее порывы благотворны, Как бури внешние полям: В дожде страстей они свежуют, И обновляются, и зреют — И жизнь могущая дает И пышный цвет и сладкий плод. Но в возраст поздний и бесплодный, На повороте наших лет, Печален страсти мертвой след: Так бури осени холодной В болото обращают луг И обнажают лес вокруг. XXX Сомненья нет: увы! Евгений В Татьяну как дитя влюблен; В тоске любовных помышлений И день и ночь проводит он. Ума не внемля строгим пеням, К ее крыльцу, стеклянным сениям Он подъезжает каждый день; За ней он гонится как тень; Он счастлив, если ей накинёт Боа пушистый на плечо, Или коснется горячо Ее руки, или раздвинет Пред нею пестрый полк ливрей, Или платок подымет ей. XXXI Она его не замечает, Как он ни бейся, хоть умри. Свободно дома принимает, В гостях с ним молвит слова три, Порой одним поклоном встретит, Порою вовсе не заметит: Кокетства в ней ни капли нет — Его не терпит высший свет. Бледнеть Онегин начинает: Ей иль не видно, иль не жаль; Онегин сохнет — и едва ль Уж не чахоткою страдает. Все шлют Онегина к врачам, Те хором шлют его к водам. XXXII А он не едет; он заране Писать ко прадедам готов О скорой встрече; а Татьяне И дела нет (их пол таков); А он упрям, отстать не хочет, Еще надеется, хлопочет; Смелей здорового, больной, Княгине слабою рукой

Он пишет страстное посланье. Хоть толку мало вообще Он в письмах видел не вотще; Но, зная, сердечное страданье Уже пришло ему невмочь. Вот вам письмо его точь-в-точь. Письмо Онегина к Татьяне Провожу все: вас оскорбит Печальной тайны объясненье. Какое горькое презренье Ваш гордый взгляд изобразит! Чего хочу? с какою целью Открою душу вам свою? Какому злобному веселью, Быть может, повод подаю! Случайно вас когда-то встретя, В вас искру нежности заметя, Я ей поверить не посмел: Привычке милой не дал ходу; Свою постылую свободу Я потерять не захотел. Еще одно нас разлучило... Несчастной жертвой Ленский пал... Ото всего, что сердцу мило, Тогда я сердце оторвал; Чужой для всех, ничем не связан, Я думал: вольность и покой Замена счастью. Боже мой! Как я ошибся, как наказан. Нет, поминутно видеть вас, Повсюду следовать за вами, Улыбку уст, движенье глаз Ловить влюбленными глазами, Внимать вам долго, понимать Душой все ваше совершенство, Пред вами в муках замирать, Бледнеть и гаснуть... вот блаженство! И я лишен того: для вас Тащусь повсюду наудачу; Мне дорог день, мне дорог час: А я в напрасной скуке трачу Судьбой отсчитанные дни. И так уж тягостны они. Я знаю: век уж мой измерен; Но чтоб продлилась жизнь моя, Я утром должен быть уверен, Что с вами днем увижусь я... Боюсь: в мольбе моей смиренной Увидит ваш суровый взор Затеи хитрости презренной — И слышу гневный ваш укор. Когда б вы знали, как ужасно Томиться жаждою любви, Пылать — и разумом всечасно Смирять волнение в крови; Желать обнять у вас колени И, зарыдав, у ваших ног Излить мольбы, признанья, пени, Все, все, что выразить бы мог, А между тем притворным хладом Вооружать и речь и взор, Вести спокойный разговор, Глядеть на вас веселым взглядом!.. Но так и быть: я сам себе Противиться не в силах боле; Все решено: я в вашей воле И предаюсь моей судьбе. XXXIII Ответа нет. Он вновь посланье: Второму, третьему письму Ответа нет. В одно собранье Он едет; лишь вошел... ему Она навстречу. Как сурова! Его не видят, с ним ни слова; У! как теперь окружена Крещенским холодом она! Как удержать негодование Уста упрямые хотят! Вперил Онегин зоркий взгляд: Где, где смятенье, состраданье? Где пятна слез?... Их нет, их нет! На сем лице лишь гнева след... XXXIV Да, может быть, боязни тайной, Чтоб муж или свет не угадал Проказы, слабости случайной... Всего, что мой Онегин знал... Надежды нет! Он уезжает, Свое безумство проклинает — И, в нем глубоко погружен, От света вновь отрекся он. И в молчаливом кабинете Ему припомнилась пора, Когда жестокая хандра За ним гналась в шумном свете, Поймала, за ворот взяла И в темный угол заперла. XXXV Стал вновь читать он без разбора. Прочел он Гиббона, Руссо, Манзони, Гердера, Шамфора, Madame de Staël, Биша, Тиссо, Прочел скептического Беля, Прочел творенья Фонтенеля, Прочел из наших кой-кого, Не

отвергая ничего: И альманахи, и журналы, Где поученья нам твердят, Где нынче так меня бранят, А где такие мадригалы Себе встречал я иногда: *E sempre bene*, господа. XXXVI И что ж? Глаза его читали, Но мысли были далеко; Мечты, желания, печали Теснились в душу глубоко. Он меж печатными строками Читал духовными глазами Другие строки. В них-то он Был совершенно углублен. То были тайные преданья Сердечной, темной старины, Ни с чем не связанные сны, Угрозы, толки, предсказанья, Иль длинной сказки вздор живой, Иль письма девы молодой. XXXVII И постепенно в усыпление И чувств и дум впадает он, А перед ним воображение Свой пестрый мечет фараон. То видит он: на талом снеге, Как будто спящий на ночлеге, Недвижим юноша лежит, И слышит голос: что ж? убит. То видит он врагов забвенных, Клеветников, и трусов злых, И рой изменниц молодых, И круг товарищей презренных, То сельский дом — и у окна Сидит она... и все она!.. XXXVIII Он так привык теряться в этом, Что чуть с ума не своротил Или не сделался поэтом. Признаться: то-то б одолжил! А точно: силой магнетизма Стихов российских механизма Едва в то время не постиг Мой бестолковый ученик. Как походил он на поэта, Когда в углу сидел один, И перед ним пылал камин, И он мурлыкал: *Benedetta* Иль *Idol mio* и ронял В огонь то туфлю, то журнал. XXXIX Дни мчались; в воздухе нагретом Уж разрешалась зима; И он не сделался поэтом, Не умер, не сошел с ума. Весна живет его: впервые Свои покои запертые, Где зимовал он, как сурок, Двойные окна, камелек Он ясным утром оставляет, Несется вдоль Невы в санях. На синих, иссеченных льдах Играет солнце; грязно тает На улицах разрытый снег. Куда по нем свой быстрый бег. XL Стремит Онегин? Вы заране Уж угадали; точно так: Примчался к ней, к своей Татьяне Мой неисправленный чудак. Идет, на мертвеца похожий. Нет ни одной души в прихожей. Он в залу; дальше: никого. Дверь отворил он. Что ж его С такою силой поражает? Княгиня перед ним, одна, Сидит, не убрана, бледна, Письмо какое-то читает И тихо слезы льет рекой, Опершись на руку щекой. XLI О, кто б немых ее страданий В сей быстрый миг не прочитал! Кто прежней Тани, бедной Тани Теперь в княгине б не узнал! В тоске безумных сожалений К ее ногам упал Евгений; Она вздрогнула и молчит; И на Онегина глядит Без удивления, без гнева... Его больной, угасший взор, Молящий вид, немой укор, Ей внятно все. Простая дева, С мечтами, сердцем прежних дней, Теперь опять воскресла в ней. XLII Она его не подымает И, не сводя с него очей, От жадных уст не отымает Бесчувственной руки своей... О чем теперь ее мечтанье? Проходит долгое молчанье, И тихо наконец она: «Довольно; встаньте. Я должна Вам объясниться откровенно. Онегин, помните ль тот час, Когда в саду, в аллее нас Судьба свела, и так смиренно Урок ваш выслушала я? Сегодня очередь моя. XLIII Онегин, я тогда моложе, Я лучше, кажется, была, И я любила вас; и что же?

Что в сердце вашем я нашла? Какой ответ? одну суровость. Не правда ль? Вам была не новость Смиренной девочки любовь? И нынче — боже! — стынет кровь, Как только вспомню взгляд холодный И эту проповедь... Но вас Я не виню: в тот страшный час Вы поступили благородно, Вы были правы предо мной: Я благодарна всей душой... XLIV Тогда — не правда ли? — в пустыне, Вдали от суетной молвы, Я вам не нравилась... Что ж ныне Меня преследуете вы? Зачем у вас я на примете? Не потому ль, что в высшем свете Теперь являться я должна; Что я богата и знатна, Что муж в сраженьях изувечен, Что нас за то ласкает двор? Не потому ль, что мой позор Теперь бы всеми был замечен, И мог бы в обществе принести Вам соблазнительную честь? XLV Я плачу... если вашей Тани Вы не забыли до сих пор, То знайте: колкость вашей брани, Холодный, строгий разговор, Когда б в моей лишь было власти, Я предпочла б обидной страсти И этим письмам и слезам. К моим младенческим мечтам Тогда имели вы хоть жалость, Хоть уважение к летам... А нынче! — что к моим ногам Вас привело? какая малость! Как с вашим сердцем и умом Быть чувства мелкого рабом? XLVI А мне, Онегин, пышность эта, Постылой жизни мишура, Мои успехи в вихре света, Мой модный дом и вечера, Что в них? Сейчас отдать я рада Всю эту ветошь маскарада, Весь этот блеск, и шум, и чад За полку книг, за дикий сад, За наше бедное жилище, За те места, где в первый раз, Онегин, видела я вас, Да за смиренное кладбище, Где нынче крест и тень ветвей Над бедной нянею моей... XLVII А счастье было так возможно, Так близко!.. Но судьба моя Уж решена. Неосторожно, Быть может, поступила я: Меня с слезами заклиний Молила мать; для бедной Тани Все были жребии равны... Я вышла замуж. Вы должны, Я вас прошу, меня оставить; Я знаю: в вашем сердце есть И гордость и прямая честь. Я вас люблю (к чему лукавить?), Но я другому отдана; Я буду век ему верна». XLVIII Она ушла. Стоит Евгений, Как будто громом поражен. В какую бурю ощущений Теперь он сердцем погружен! Но шпор незапный звон раздался, И муж Татьянин показался, И здесь героя моего, В минуту, злую для него, Читатель, мы теперь оставим, Надолго... навсегда. За ним Довольно мы путем одним Бродили по свету. Поздравим Друг друга с берегом. Ура! Давно б (не правда ли?) пора! XLIX Кто б ни был ты, о мой читатель, Друг, недруг, я хочу с тобой Расстаться нынче как приятель. Прости. Чего бы ты за мной Здесь ни искал в строфах небрежных, Воспоминаний ли мятежных, Отдохновенья ль от трудов, Живых картин, иль острых слов, Иль грамматических ошибок, Дай бог, чтоб в этой книжке ты Для развлечения, для мечты, Для сердца, для журнальных сшибок Хотя крупницу мог найти. За сим расстанемся, прости! L Прости ж и ты, мой спутник странный, И ты, мой верный идеал, И ты, живой и постоянный, Хоть малый труд. Я с вами знал Все, что завидно для по-

эта: Забвенье жизни в бурях света, Беседу сладкую друзей.
Промчалось много, много дней С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне Явились впервые мне — И
даль свободного романа Я сквозь магический кристалл Еще
не ясно различал. LI Но те, которым в дружной встрече Я
строфы первые читал. . . Иных уж нет, а те далече, Как Са-
ди некогда сказал. Без них Онегин дорисован. А та, с которой
образован Татьяны милый идеал. . . О много, много рок отъ-
ял! Блажен, кто праздник жизни рано Оставил, не допив до
дна Бокала полного вина, Кто не дочел ее романа И вдруг
умел расстаться с ним, Как я с Онегиным моим. Конец 1830
г.

Глава 2

Capitolo approfondimento

Последняя ария Ленского

Куда, куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?

Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он.
Нет нужды; прав судьбы закон.
Паду ли я, стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она,
Всё благо: бдения и сна
Приходит час определенный,
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход!

Блеснет завтра луч денницы
И заиграет яркий день;
А я — быть может, я гробницы
Сойду в таинственную сень,
И память юного поэта
Поглотит медленная Лета,

Забудет мир меня; но ты, ты, Ольга...
Скажи, придешь ли, дева красоты,
Слезу пролить над ранней урной
И думать: он меня любил!
Он мне единой посвятил
Рассвет печальный жизни бурной!

Ах, Ольга, я тебя любил!
Тебе единой посвятил
Рассвет печальный жизни бурной!
Ах, Ольга, я тебя любил!

Сердечный друг, желанный друг.

Приди, приди! Желанный друг, приди, я твой супруг!
Приди, я твой супруг!
Приди, приди! Я жду тебя, желанный друг.
Приди, приди; я твой супруг!

Куда, куда, куда вы удалились,
Весны моей, весны моей златые дни?

Помните, в ночь перед дуэлью Ленский предаётся сочинительству? Вот как рассказывает об этом Пушкин:

Берет перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучат и льются. Их читает
Он вслух, в лирическом жару,
Как Дельвиг пьяный на пиру.
Стихи на случай сохранились;
Я их имею; вот они:

Далее текст от Ленского. И снова оценка рассказчика:

Так он писал темно и вяло
(Что романтизмом мы зовем,
Хоть романтизма тут ни мало
Не вижу я; да что нам в том?)
И наконец перед зарею,
Склонясь усталой головою,
На модном слове идеал
Тихонько Ленский задремал;

Потом Ленского будят и он едет стреляться. Да, для Пушкина дуэль — обычное дело, он сам стрелялся много раз. Можно поспать.

Чайковский переосмыслил стихи Ленского, подняв их на новую высоту благодаря музыке. Он написал оперу уже после смерти автора романа. Убийство поэта Ленского в опере ассоциируется у слушателя с убийством поэта Пушкина. Оценок рассказчика до ("чепуха") и после ("вяло") стихов Ленского в либретто нет. Исчезла ирония Пушкина над романтическим поэтом, вирши стали подлинно трагическими. Да, Ленский, с точки зрения Пушкина, не самый сильный поэт, но гениальная музыка Чайковского вложила столько чувств в предсмертную арию! В оперу стихи вошли почти без изменений, лишь некоторые слова повторяются, вместо "И думать: он меня любил" в повторе "Ах, Ольга, я тебя любил!" (Ленский мечтает как Ольга придёт к нему на могилу). То, что Ленский обращается к поэтическим образам типа "стрелой пронзённый" (прекрасно зная, что дуэль на пистолетах), лишь говорит о его возбуждении перед смертью — и возвышенности духа, если хотите... Итак, ария Ленского. В опере он поёт прямо на месте дуэли.

Clicca su questo [link](#) per ascoltare l'aria.

Приложение А

Appendice

А.1 8 глава

восьмой главе П отказался от использованного им в предшествующей главе метода прямых характеристик героя и представляет его читателю в столкновении различных, взаимопротиворечащих точек зрения, из которых ни одна в отдельности не может быть отождествлена с авторской.

А.2 Fare thee Well

Начало стихотворения Байрона «Fare thee well» из цикла Poems of separations («Стихи о разводе»), 1816.
(«Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай»).

А.3 В те дни...

это история своей Музы, смена периодов творчества, читательской аудитории, жизненных обстоятельств, образующая единую эволюцию Римский писатель Изобилующий фантастическими и эротическими эпизодами роман Апулея «Золотой осел» был популярен в XVIII в. П читал его по-французский. Слово «союз» могло читаться двусмысленно: и как дружеское сообщество («Друзья мои, прекрасен наш союз!» — «19 Октября», II, 1, 425), и как политическое общество (Союз Благонравия). Положительная оценка света в этих стихах звучит неожиданно после резко сатирических картин в предшествующих строфах. /П, сохраняя сатирическое отношение к свету, видит теперь и другую его сторону: быт образованного и духовно-утонченного общества обладает ценностью как часть национальной культуры. Он проникнут столь недостающим русскому обществу, особенно после 14 декабря 1825 г., уважением человека к себе («холод гордости спокойной»). Более того, П видит в нем больше истинного демократизма, чем в неуклюжей этикете или псевдонародной грубости образованного мещанства, говорящего со страниц русских журналов от имени демократии. Люди света проще и потому ближе к народу. Строфа, представляя собой резкое осуждение. Резкое осуждение Онегина отнюдь не выражает окончательно-

го суда автора. Онегина. Строфа диалогически противопоставлена предшествующей. Мнение, высказанное в строфе VIII, приписывается «самолюбивой ничтожности», что знаменует езкий перелом в отношении автора к Онегину. исторические корни раскрываются у И. С. Аксакова: «Говорить снова о перевороте Петра, нарушившем правильность нашего органического развития, было бы излишним повторением. Мы могли бы кстати, говоря об уме, припомнить слово, приписываемое Кикину и хорошо характеризующее наше умственное развитие. Предание рассказывает, что Кикин на вопрос Петра, отчего Кикин его не любит, отвечал: «Русский ум любит простор, а от тебя ему тесно» Согласно одной, Петр I, якобы, спросил А. Кикина в застенке: «Как ты, умный человек, мог пойти против меня?» — и получил ответ: «Какой я умный! Ум любит простор, а у тебя ему тесно». Современный исследователь, комментируя этот эпизод, отметил, что в нем «государственному абсолютизму, воплотившемуся в лице Петра был противопоставлен принцип свободы личности» Кикин Александр Васильевич — крупный политический деятель эпохи Петра I, участник «заговора» царевича Алексея. Колесован в 1718 г. Права человека на обыденное, простое счастье. Слова Шатобриана: «Нет счастья вне проторенных дорог» П написал в письме к Н. И. Кривцову: «Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было. *Il n'est de bonheur que dans les voies communes.* Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю, как люди, и вероятно не буду в том раскаиваться» (XIV, 150—151). Цитата эта интересна противопоставлением оставленного пути романтической молодости («жил иначе как обыкновенно живут») новой жизненной дороге («поступаю как люди»). 350 Степной иногда употребляется у П в значении «сельский», как антоним понятия «цивилизованный». Татьяна приехала не из степной полосы России, а из северо-западной (см. с. 325), и стих следует понимать: «из глуши простых, бедных селений». В 1824 г. когда происходит встреча Онегина и Татьяны в Петербурге, Россия не поддерживала дипломатических отношений с Испанией, прерванных во время испанской революции. Испанский посол Хуан Мигуэль Паэс де ла Кадена появился в Петербурге в 1825 г. П познакомился с ним, видимо, в 1832 г. и записал с его слов рассказ секретаря Наполеона Бурьена о 18 брюмера. Анахронизм появления этого персонажа совпадает с общей тенденцией П к изображению фона седьмой-восьмой глав на основании реальных впечатлений последекабристской эпохи. Нетерпение Онегина выразилось в том, что он выехал не только без опоздания, но и в максимально возможный ранний срок. Съезд гостей начинался после десяти вечера. Ростовы, приглашенные на бал к «екатерининскому вельможе», «в одиннадцать часов разместились по каретам и поехали» («Война и мир», т. II, ч. III, гл. 14). От Таврического сада до Английской набережной они ехали не менее получаса, но прибыли еще до появления государя и начала бала. Онегин приезжает до появления гостей — «Татьяну он одну находит» (XXII, 6). Поскольку князь Н. дает не бал, а вечер, хозяева не встречают гостей при входе в зал, а запросто принимают в гостиной. Татьяна не хочет отличаться других обществах по этому приглашает все. Утонченная вежливость светского обращения и стиль тонкого остроумия беседы культивировались в XVIII в. Особый смысл они получили в 1790-е гг., когда приобрели политический оттенок; связанные с французскими эмигрантами круги петербургского общества демонстрировали сохранение

в столице России истинно «версальского» тона, уже не существовавшего на его родине. XIX в. внес изменения в нормы светского поведения. С одной стороны, входила в моду «английская» манера — серьезные «мужские» разговоры и отрывистая речь сменяют утонченную и интонационно отработанную беседу с дамами. С другой — «солдатские» манеры наполеоновских генералов, по мере того как Франция становится признанным дипломатическим партнером, все более входят в стиль и даже моду в европейских салонах. В России они появились вместе с французским послом Коленкуром после Тильзита. Характеризуя стиль поведения людей империи Наполеона, мемуарист Ф. Головкин писал: «Изящные манеры, образование, скорее блестящее, чем основательное, и чрезвычайная ветряность характера» оказались совершенно чуждыми тому миру, где культивировались «положительные таланты и дурные манеры, как главные условия карьеры» (Головкин Ф. Двор и царствование Павла I. М., 1912, с. 336). Общее изменение светского тона коснулось и России, особенно резко сказавшись в поведении передовой молодежи (см.: Лотман, Декабрист в повседневной жизни, с. 30 — 31). «Тонкость» светского обращения XVIII в. стала восприниматься как архаическая и смешная. — Журнальная картинка — гравюра с изображением последних мод. Такие иллюстрации, раскрашенные от руки, прилагались для увеличения подписки к ряду русских журналов. Среди франтов 1820-х гг. было принято носить батистовые шейные платки. С легка крахмалить такие платки ввел в моду знаменитый денди Джордж Брэм-мель. Слегка крахмалить галстук — признак дендизма. Перекрахмалить — переусердствовать по части моды, что само по себе противоречило неписанным нормам хорошего тона и было vulgar. Имеется в виду библейский миф о сатане, в образе змия-искусителя пробравшемся в рай, соблазнившем первую женщину Еву, уговорив ее вкушать от запретного древа добра и зла.